

И.И. Калина

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ¹

Самая большая беда для страны наступит тогда, когда можно будет назвать какого-то конкретного человека, который отвечает за все российское образование: несет ответственность или все общество, или, в конце концов, никто. Другое дело, что есть некие назначенные государством чиновники, которые обязаны эти интересы общества аккумулировать, представлять на обсуждение и предлагать в первую очередь руководству министерства, а через руководство министерства — руководству страны, регионам, муниципалитетам для принятия каких-то решений.

Не хотелось бы, чтобы мы на предложения смотрели глазами производителей продукта. Я встречался как-то на «АвтоВАЗе» с производителями «Жигулей». Им нравятся «Жигули», которые они делают! Правда, почти никто на них старается не ездить. Как производителю продукта под названием «образование» мне, естественно, образование очень нравится, а когда я оказываюсь в качестве потребителя этого продукта, у меня возникает несколько иное к нему отношение. Поэтому я все-таки считаю, что при всей важности учета мнения производителей продукта, гораздо важнее, чтобы оценка получилась глазами потребителей, то есть учеников, родителей, общества, работодателей и так далее.

А теперь, собственно, что мы считаем сегодня важным в системе образования, в чем видим ее целевую установку?

Мы считаем, что необходимо сделать образование ресурсом личностного, общественного, государственного развития и реализации важнейших для граждан и государства ценностей — таких, как, например, свобода, благосостояние, безопасность. Я не думаю, что можно оценивать качество образования в отрыве от

¹ Фрагменты выступления руководителя департамента государственной политики в сфере образования Министерства образования и науки перед членами общественных организаций («Мемориал», ноябрь 2004 г.)

качества той жизни, которую мы себе обеспечиваем. То есть образование, которое никак не сказывается на благосостоянии, на общественном поведении человека, вряд ли можно считать качественным.

Мы попытались выделить некие обобщенные задачи образования — сегодня их, на наш взгляд, три. В условиях новой экономики, быстрой смены технологии, нового качества социума от образования требуется гораздо большая мобильность, универсальность и фундаментальность.

В этой связи несколько соображений. Идея, что молодой человек пять — пять с половиной лет учится под узко заточенную специальность и что затем знания, приобретенные, скажем, в 2004 г., окажутся ему крайне полезными при работе в 2009, вообще-то вызывает большое сомнение. Кроме того, мы все понимаем: когда высшее образование становится массовым, очень сложно сохранить его качество.

Конкуренция на мировом рынке образования — большая проблема. Сегодня, к сожалению, немало наших ребят уезжает учиться за границу и, к сожалению, все меньше и меньше едут учиться к нам.

Очень большая проблема, которую никак нельзя обойти, занимаясь образованием, — это миграционные процессы. Наши школы и вузы как-то привыкли к одноукладности, к тому, что все везде почти одинаково, а сейчас появляется огромное количество людей, для которых наш уклад жизни просто нов и которые очень тяжело в него вписываются.

Я редко смотрю телевизор, а тут попал на программу, когда президент проводил встречу с нашими церковными лидерами. Там была изумительная фраза: читинский архиепископ возмущенно сказал, что китайцев, мол, напустили в нашу страну. И вот ответ президента: а вы не думали их обратить в православие? Ведь для православия национальность значения не имеет. Это ответ не только церковным служащим — я думаю, что это ответ всем нам. А почему нашему профессиональному образованию не хватает сил обратить в свою веру людей, которые приехали, живут, работают, но работают зачастую в совершенно другой культуре?

Наша система образования несет в себе очень большие, неустранимые пока, внутренние проблемы: несоответствие содержания и структуры образования потребностям граждан, общества, рынка труда. Школа не готова к применению новых образовательных технологий. Не готов учитель, недостаточно техники, мультимедийного продукта. Хотя что-то в этой области уже сделано, проблема здесь остается.

Большой вопрос — непривлекательность сферы педагогического труда, неквалифицированность кадров. И дело здесь не только в зарплате. В школе точно такая же дедовщина, как и везде, только не среди детей, а среди педколлектива.

И, конечно же, нужно пересматривать содержание образования, которого самим учителям уже мало, которое неинтересно зачастую молодым, да и технологии, которыми они вынуждены пользоваться, и методика тоже стали для них неинтересны.

Большая проблема — отсутствие эффективной концентрации ресурсов. И я говорю не только о необходимости реструктуризации; у нас нет концентрации ресурсов в первую очередь в городских школах. Мы продолжаем в каждом областном центре держать 80–120 средних школ, довели дело до однопараллельного 10–11 класса, хотя прекрасно все понимаем, что никогда мы не найдем такое количество замечательных учителей по каждому предмету, чтобы укомплектовать все школы, никогда не оборудуем соответствующие лаборатории. Все это количество старшеклассников городских школ могло бы вполне учиться в 15–20 школах, где можно сконцентрировать и материальные, и базовые ресурсы для того, чтобы обеспечивать качественное образование. Но мы продолжаем держаться вот за эту распыленность, хотя даже с педагогической точки зрения очевидно, что много старших классов — это интересно для общения, это интересно для проведения мероприятий, это создает высокую конкуренцию среди старшеклассников.

Наконец, у нас отсутствует реальное общественное и недостаточно эффективно государственное управление.

Тем не менее очень бы не хотелось красить все одной краской и говорить, что до нас никто ничего не делал, а мы пришли, Ильи Муромцы, и сейчас все сделаем. Мы понимаем, насколько у нас все трудно делается, и думаю, все согласятся с тем, что цели и задачи, которые были намечены в Концепции модернизации российского образования, далеко не неправильны, во многом адекватны времени, что многое удалось сделать.

Сегодня, к примеру, есть целый ряд стандартов профессионального образования, которые создавались с учетом потребностей работодателей, профессиональных сообществ. Самое интересное, что это стандарты в основном нетрадиционных профессий для России (например, сервисных специальностей). Они разработаны там, где чиновники вообще ничего не знают, где пришли новые люди и помогли сделать стандарты.

Нельзя забыть и переход к единому требованию оценки знаний. Это в первую очередь единый госэкзамен в общеобразова-

тельной школе. Но и в высшей школе тоже есть большие подвижки в разработке единых требований.

Тем не менее многое сделать не удалось. Во-первых, посмотрим, что произошло в структуре государственного образовательного стандарта общего образования. Вы знаете, что в ней заложена стандартизация сразу двух вещей — минимального содержания образовательных программ и требований к ученику. Я как-то разговаривал с производственниками, и они мне сказали, что на «Ауди» установили стандарт на линию, поэтому машины на выходе не проверяют, а на «АвтоВАЗе» проверяют каждую машину, потому что на линии неизвестно что может произойти, и в конце — на всякий случай проверяют каждую машину. Я думаю, что образование штука настолько творческая, что жестко стандартизировать тот путь, по которому идет ученик, вряд ли целесообразно и возможно. А вот стандартизировать уровень подготовки выпускников, некий минимум, которого обязан человек в ходе обучения достигнуть, наверное, было бы разумно. Ну и, естественно, нужен базисный учебный план с подсчетом часов, которые должны минимально отводиться на изучение предмета. Но должны быть и условия для реализации образовательных программ. Стандартизировать требования и содержание программ, при этом не вводя стандарт на условия их реализации, — странно. Когда ресурсов нет, а требования остаются — ситуация утопическая.

Все мы понимаем, что количество уроков напрямую не влияет на качество образования, что гораздо более важны методики, применяемые на уроке, личность учителя и мотивация ребенка. Поэтому снижение недельной нагрузки мы считаем обязательным для создания нормальных условий для образования и самообразования ребенка (при введении нормативного финансирования). Но нам кажется, что снижение нормы часов обязательно должно быть дополнено школами или классами полного дня для тех детей, кому это необходимо. В стране недооцененная просто или недоиспользуемая система — это система дополнительного образования. Я как раз на предыдущей коллегии с гордостью сказал, что Оренбургская область по количеству работающих в системе дополнительного образования в стране занимает второе место после Москвы, и я ни сколько не жалею, что мы держим в области такую огромную сеть дополнительного образования. Финансирование забирает всего 6% от общего бюджета на образование, а вот эффекта дает, наверное, на 66. Но это возможно опять же только при снижении недельной нагрузки учащегося, потому что реально сегодня у ребенка на дополнительное образование или на самообразование просто не остается ни сил, ни времени.

Хочу прокомментировать некоторые предлагаемые изменения в структуре образования. Мы до сих пор не очень понимаем, как лучше назвать то, что предлагается прибавить перед начальной школой. Это класс, группа раннего развития или адаптации — или вот то, что пресса уже окрестила как «нулевые классы». Кстати, я имею достаточно большой опыт работы с классом шестилеток и до сих пор просто страшно жалею, что тогда, в 80-х, это прекратили. Мне говорят, что, мол, условия не создали. Это легче всего сказать — что нельзя создать условия, и бросить хорошее дело. Я очень многие свои школы помню, когда заведующим роно работал. В самом деле, были созданы нормальные условия, и все дети, которые прошли тогда подготовку 1–4, не только не уступали 1–3, они просто несравнимы были с этими классами. Потому что их не бегом прогнали по программе, а спокойно, нормально с ними занимались. И мы предлагаем сегодня для всех детей, которые не посещают детские сады (а их в этом возрасте примерно половина), на базе детских садов организовать классы, группы раннего развития.

У нас продолжается резкое снижение общей численности учащихся в стране, то есть мы еще несколько лет будем упорно скатываться в демографическую яму. Если мы начинали с 22 млн. учеников, то сейчас их у нас уже меньше 18, а скоро мы с вами опустимся до цифры 13 млн. То есть у нас, по сути дела, освобождаются помещения, которые можно и нужно использовать для того, чтобы взять в школу тех детей, с которыми дома, к сожалению, не занимаются и не водят в детские сады. При этом я считаю, что любая семья вправе сохранить для своего ребенка в случае необходимости вариант семейного образования и на этом уровне.

Очень большой вопрос — переход из начальной школы в основную. Сегодня вполне возможен вариант, чтобы 5 класс остался в составе начальной школы. Но это тема, заслуживающая обсуждения, анализа, эксперимента. Самое немотивированное время для учебы — это период после начальной школы и до старшей. Поэтому нам кажется, что некий переходный класс между начальной и основной школой очень сильно бы помог, потому что больше всего дети теряют в плане учебы именно на этом переходе.

Естественно, нам очень нравится, что в 9 классе реализуется предпрофильное обучение. В 10–11 классах должно быть профильное обучение в виде лицеев, гимназий или просто школ с профильным обучением. Почему я говорю о лицее и гимназии? Я все-таки вижу здесь перспективу создания школ третьей ступени, то есть школ, сконцентрированных на обучении старшеклассников.

По высшему образованию. Педвуз — это не совсем типичное высшее образование. Я думаю, что педвуз — это самый настоящий бакалавриат. Он давал общее высшее образование, а после него надо было получить еще какую-нибудь профессию, что 80% людей и делали через партшколы, если шли в райком комсомола или в райком партии, через политехнические институты, если уходили на производство, через экономические, если шли куда-то в бухгалтерии работать, и так далее. Правда, были и такие, кто шел даже в школы работать. Но есть определенный перечень специальностей, по которым невозможно разделить подготовку общую, бакалавриат и узкоспециализированную магистратуру, например, медицина, целый ряд инженерных специальностей.

Предлагается ввести три специальности, три направления бакалавриата. Эксперты считают, что этого вполне достаточно для того, чтобы подготовить человека к возможности профессиональной деятельности, чтобы дальше поступить в магистратуру и повышать свою квалификацию в системе непрерывного профессионального образования.

Нужно подчеркнуть, что нового мы нигде особенно не предлагаем, стараемся в основном систематизировать тот положительный опыт, те локальные вещи, которые сегодня есть. Да, естественно, мы пытаемся очень широко ввести профессиональные ассоциации, объединения работодателей. Аккредитация здесь должна проходить не учреждений, а образовательных программ, в них-то и должно вкладываться финансирование. И, конечно, сертификация должна осуществляться не только государственными органами, а в ней обязательно необходимо участие саморегулируемых организаций. Для единства образовательного пространства первую скрипку будут играть госорганы, а вот для выработки квалификационных характеристик — профессиональные ассоциации, для выработки содержания образовательных технологий — образовательные сообщества, а для формулирования требований к работнику — объединения работодателей. Я признаюсь, что мы очень много сейчас с объединениями работодателей работаем, и, к сожалению, у них нет двух вещей: понимания, что им нужно, и веры в то, что их понимание может как-то на что-то повлиять.

В завершение хочу сказать, что ни одно из этих предложений не является окончательным и принятым. К тому же все это, даже при одобрении, скажем, любыми структурами, не предполагает завтрашнего повсеместного внедрения. Я слово «внедрение» вообще стараюсь не употреблять, после того как однажды прочитал в толковом словаре такое определение: «внедрение — это проникновение

в чужеродную и активно сопротивляющуюся среду». Речь идет о том, что если эти направления принимаются как возможные, необходимые для развития, то начинается некая систематизация имеющегося опыта (а он, поверьте, огромен — и в регионах, и в Москве), начинается анализ, при необходимости дополнительная апробация, начинается разработка неких научно-методических основ этих переходов к новому и подбор «стахановцев», которые захотят все это реализовывать.

И несколько слов о сегодняшнем стиле работы новой команды управленцев. «Министерство приняло решение» — термин абсолютно неправильный. Министерство «обсудило вопрос на коллегии» — вот что меня радует сейчас. Коллегия существует в министерстве не для того, чтобы принимать окончательные решения, а для того, чтобы обсуждать. Это именно круг коллег, которые обсуждают проблему и решения. И я рад, что сегодня коллегия министерства выполняет именно эту задачу, а не функцию штамповщика решений.